

С.Хайбуллаев же обращение современных поэтов к не характерным для национальной творческой практики жанрам поэзии рассматривает как «естественный, закономерный процесс, обусловленный рядом причин и обстоятельств, к которым относит сложность современной действительности; степень развития художественной национальной культуры, ее подготовленность; поиски новых форм, обращение к национальному опыту, его творческое осмысление» [3:163]. Следовательно, любовь к сонетам в дагестанской литературе объясняется, на наш взгляд, возрождением поэзии в дагестанской литературе.

Источники и литература:

1. Романов Б. Сонеты русских поэтов начала XX века и сов. поэтов / Б. Романов. – М. : Сов. Россия, 1987.
2. Хайбуллаев С. М. Современная дагестанская поэзия / С. М. Хайбуллаев. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1996.

Устинов Т.Б.

УДК 820/89 (100-87)

РОЛЬ И МЕСТО СТОПЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ СИЛЛАБИЧЕСКОМ СТИХЕ

Постановка проблемы. Вопрос о *ритмических частях* в крымскотатарской силлабическом стихе не изучен. Актуальность данного вопроса не вызывает сомнения.

Цели и задачи. Исследование *ритмических частей*, что откроет возможность определения места и роли данного компонента в крымскотатарском силлабическом стихе.

Вступление. Во всех стихотворных размерах тюркского стиха *туркум*, как правило, делится на составные *ритмические отрезки*, оформляемые в народной поэзии *тураками* (*туракъ*). Их по-другому можно назвать внутрискотавыми паузами или же *цезурой*.

Строение голосового аппарата и органов дыхания человека являются одной из основных причин *расчленённости речи*. Непрерывность звучания голоса ограничена периодичностью дыхания: вдохами и выдохами.

Ещё одной причиной *расчленённости речи* является специфика работы головного мозга человека, по передаче и принятию той или иной информации. Говоря о *ритмических частях* З. А. Ахметов отмечает следующее: “В стихе каждый отрезок речи возвращает нас к предыдущим, воспринимается с точки зрения соразмерности, соотнесённости, созвучности с ними и заставляет искать, ожидать такой же соразмерности и соответствия в последующих отрезках, частях ритмического ряда. В этом непрерывном течении ритма, тесно связанном и перекликающемся со смысловым движением стиха, приобретают значение параллели, контрасты, и переходы, а также самые различные звуковые повторы, смена созвучий, их сочетание, чередование и прочее” [1, с. 13].

Широкое применение данного ритмического признака, т. е. наличия *ритмических частей*, позволяет причислить его к разряду основных.

К. Рысалиев пишет, что народный тюркский стих разделяется по количеству *ритмических частей* в *туркуме* на “четыре группы: двух-, трёх-, четырёх- и пятичастный” [6, с. 14].

Это же мнение высказывает М. К. Хамраев: “Если взять количественную сторону *турака*, то в [тюркской – Т. У.] строке мы можем встретить как минимум один *турак* и как максимум пять *тураков*” [7, с. 22].

В крымскотатарской силлабическом стихе нам удалось обнаружить шестичастные *туркумы*:

1. Суя | гидер, | сув дестиси | элинде, | элинде, | элинде,

(2+2+4+3+3+3)

Ипек | киймиш, | этеклери | белинде, | белинде, | белинде...

(2+2+4+3+3+3)

Подстрочный перевод:

1. Идет к воде, посуда для воды в руках, в руках, в руках,

Одела шёлк, подол на поясице, на поясице, на поясице... [4, с. 318].

Для сохранения ритма, имеет место некая закономерность разделения *туркума* на *ритмические части*, наблюдаемая в тюркоязычных поэзиях, основанных на силлабическом принципе построения и в том числе в крымскотатарской.

Если длина *туркума* не превышает семи букв, то данная строка, как правило, распадается на две *ритмические части*: (2+2, 2+3, 3+2, 3+3, 3+4, 4+3). Пример:

Ер астында | джийрен ат,

(4+3)

Атнынъ териси | еди къат....

(4+3)

Подстрочный перевод:

Под землёй рыжая лошадь,

Кожа её состоит из семи слоёв... [2, с. 22].

Туркум, состоящий из семи слогов, в большом количестве сочинялся среди крымских татар-горцев, в рамках формы поэзии *мани*, а также народных песен (*йыр*). Именно *мани* может быть написана семислоговым трёхчастным *туркумом*, что достаточно редкий случай для *крымскотатарского силлабического стиха*:

Къаядан | эндим | бугюнь,

(3+2+2)

Элимде | алтын | гугюм...

(3+2+2)

Подстрочный перевод:

Со скалы спустилась сегодня я,

В руках у меня золотой кувшин... [8, с. 192].

Восьмислоговой *туркум*, хотя и достаточно редко, разделяется на две *ритмические части*: (2+6, 6+2, 3+5, 5+3, 4+4):

Ködinizmi siz | sıçanı, (5+3)

Raftan dolaba | qaçanı... (5+3)

Подстрочный перевод:

Видели ли вы мышку,

Убегающую с полки на шкаф... [8, с. 181].

Чаще всего можно встретить трёхчастный ритм в рамках *туркума*, состоящего из восьми слогов: (2+3+3, 3+2+3, 3+3+2). Приведём пример:

...Агълама | ярем, | агълама, (3+2+3)

Башынъа | къаре | багълама!.. (3+2+3)

Подстрочный перевод:

...Не плачь моя любимая, не плач,

Не завязывай на голову чёрное!.. [3, с. 15].

И уж совсем редко восьмислоговой *туркум* разделяется на четыре *ритмические части*: (2+2+2+2).

Как мы видим на ниже следующем примере, в рамках одного *бенга* могут сочетаться *туркумы* различной протяжённости (*разносложные туркумы*) и главное – состоять из разного количества *ритмических частей* (*разночастные туркумы*):

...Эджель | гелир, | олюр | исем. (2+2+2+2)

Ченеми ким | багъласын?.. (4+3)

Подстрочный перевод:

Если придёт смертный час и я умру,

Кто мою голову перевяжет? [3, с. 16].

Отметим и то, что при сочетании *туркумов* разной протяжённости появляется широкая возможность разнообразия ритма и размера.

Крымскотатарская *силлабическая письменная народная поэзия* получила яркое отражение в творчестве двух известных поэтов-классиков не только Крымского ханства, но и Османской империи – *Ашыка Омера* (...–1707) и *Мустафы Джевхери* (...–1720?). Поэтическое наследие этих авторов изобилует формами поэзии, написанными одиннадцатисложным *туркумом*, на котором мы остановимся поподробнее.

Достаточно большая протяжённость одиннадцатисложного *туркума* даёт широкую возможность различным комбинациям сочетания *ритмических частей*. В начале *туркума* может находиться в равной степени, как двухсложная, так и шестисложная *ритмическая часть*, так же, как и в последней третьей части, аналогичной протяжённостью.

Начальный *словораздел* достаточно подвижен и может варьировать в пределах близлежащих слогов без особых последствий (после четвёртого и третьего слога).

Туркумы, состоящие более, чем из восьми слогов (*восьмисложные туркумы*) могут разделяться вплоть до шести *ритмических частей*, протяжённость и комбинации которых всевозможны. Общая же протяжённость *туркума* в *крымскотатарском силлабическом стихе* колеблется от двух до пятнадцати слогов (большой длины *строки* нам обнаружить не удалось). Причём, если строки поэтических форм, принадлежащих *устному народному творчеству*, имеют диапазон от двух до пятнадцати слогов, формы *письменной народной поэзии*, в подавляющем своём большинстве, написаны традиционно восьмью и одиннадцатисложными *туркумами*.

Изучавший казахское стихосложение З. А. Ахметов справедливо отмечает: "...Чем длиннее отрезок речи, тем сильнее выделяются его границы как ритмико-интонационного целого. Отсюда ясно, что в длинных стихах *ритмическое членение* ощущается отчётливее, и наоборот, чем короче строка, тем теснее объединяются между собой её *ритмические части*" [1, с. 78-79].

Двухслововые *ритмические части* обладают значительно меньшей обособленностью и потому стремятся объединиться с соседними двух- и трёхслововыми частями.

В нижеприведённом примере первые две двухсложные *ритмические части* практически сливаются между собой в ритмическом отношении:

2. ...Суя | гидер, | сув дестисин | толдурыр, | толдурыр, | толдурыр, (2+2+4+3+3+3)

Эвне | келир, | гуль бенъзини | солдурыр, | солдурыр, | солдурыр (2+2+4+3+3+3)

Подстрочный перевод:

2. ...Идет к воде, посуду для воды наполняет, наполняет, наполняет,

Возвращается домой, и внешность её, подобная розе, увядает, увядает, увядает... [4, с. 318].

Практика показала, что в сверхдлинных *туркумах* (до пятнадцати слогов), в отличие от длинных *туркумов* (до одиннадцати слогов) с увеличением количества составляющих их *ритмических частей*, соответственно, уменьшается ритмическая связь между отмеченными частями.

Говоря о "соседстве" двух- и четырёхсложных *ритмических частей*, отметим, что их слияние практически не происходит (в отличие от двух- и трёхсложных). Такое соседство усиливает в ритмико-интонационном отношении и обособляет двухслововую *ритмическую часть*:

1. Şurda | bir güzele | meyl aldirdim (2+4+5)

Cihan | güzel olsa | yoktur nazarda... (2+4+5)

Подстрочный перевод:

1. Здесь я влюбился в одну красавицу,
Если мир прекрасен – он не виден моему взору... [9, с. 18].

В *крымскотатарской силлабической поэзии* встречаются, хотя и очень редко, примеры использования в одном *туркуме* двух- и пятислоговых *ритмических частей*, где обособление двухсложной составной выглядит ещё отчётливее.

Отметим ещё один факт. При идентичных ритмических, интонационных и синтаксических показателях неравносложные *ритмические части*, в рамках *туркума*, более охотно объединяются между собой, чем однотипные (2+2, 3+3 и т. д.), которые, как правило, носят самостоятельный и обособленный характер.

Специфической стороной тюркского народного стиха является то, что *туркум не может быть одночастным*.

Из принципа обязательного присутствия *ритмических частей* следует, что даже редко встречающиеся одночастные *туркумы* являются предшествующей или же последующей *ритмической частью* другой соседствующей строки.

Бросается в глаза отсутствие в народном тюркском стихе однослоговых *ритмических частей*. Это явление объясняется тем, что один слог, в силу своей ритмической ограниченности, не может представлять собой самостоятельную *ритмическую часть* в *туркуме* и плавно “перевосплощается” в составную двухсложной (1+1), трёхсложной (1+2, 2+1), четырёхсложной (1+3, 3+1), пятисложной (1+4, 4+1) и т. д. стопы.

По вопросу о максимальной протяжённости *ритмической части* до сегодняшнего дня не существует единой точки зрения.

С. Муканов по этому поводу пишет: “Казахский стих обычно не включает слов, содержащих более четырёх слогов. А ведь казахский язык, будучи языком агглютинативным, имеет в своём составе немало многосложных слов? Дело, по-видимому, в том, что в казахском языке срединные слоги сильно не выделяются. Поэтому слова, состоящие из пяти и более слогов, сделали бы стих тяжёлым, ослабили бы его ритм” [5, с. 128].

В крымскотатарской народной поэзии *ритмические части* заметно большей части стихотворных форм состоят из слов не длинее четырёхслогового предела, что подтверждает озвученную выше мысль.

В стихах других тюркоязычных народов (киргизского например) можно встретить восьмисложные *ритмические части*, что даёт нам надежду обнаружить, в дальнейшем, подобные примеры и в крымскотатарском народном стихе.

В рамках *туркума* *ритмические части* могут использоваться как *однородные*, так и *разнородные*. Причём в составе одного *бенга* *ритмические части*, не изменяя общей длины *туркума*, могут располагаться в различных, а иногда прямо противоположных, позициях по отношению друг к другу.

Отмеченное изменение в вышеотмеченном *бенге* не произвольное и не случайное. Оно не идёт во вред ритмике стиха, а скорее укрепляет её, являясь свидетельством устойчивости слогового состава *ритмических частей* и *туркума*, в целом.

Немаловажной особенностью *конечной ритмической части* является то, что в ней *ритм* соблюдается с завидным постоянством и строгостью. Она, находясь в конце *туркума*, более всего обособляется и выделяет концовку *туркума*.

Выводы. *Ритмическая часть* в стихотворном произведении не является олицетворением основы *ритма*. Только сочетание одних *ритмических частей* с другими *ритмическими частями*, а также *слоговой состав* *ритмической части* и положение (соотнесение) одних *слов* по отношению к другим, могут привести к созданию *ритма*.

Источники и литература:

1. Ахметов З. Казахское стихосложение (Проблемы развития стиха в дореволюционной и современной поэзии) / З. Ахметов. – Алма-Ата : Наука, 1964.
2. Бекиров Д. Б. Къырымтатар бала эдебиятынынъ хрестоматиясы / Д. Б. Бекиров. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1998.
3. Къырымтатар иджрет эдебияты / сост. Э. Э. Куртумеров, Т. Б. Усеинов, А. М. Харахады. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2002.
4. Къырымтатар халкъ йырлары / сост. И. Бахшыш, Э. Налбандов. – Симферополь : Таврия, 1996.
5. Муканов С. Казак олеці туралы / С. Муканов // Социалистік Казакстан. – 1935. – № 108. – С. 125-134.
6. Рысалиев К. Киргизское стихосложение : автореф. дис. ... докт. филол. наук / К. Рысалиев; Академия наук Казахской ССР. – Фрунзе, 1965.
7. Хамраев М. К. Основы тюркского стихосложения: Автореф. докт. филол. наук/ М. К. Хамраев; Казахский гос. ун-т им. С. Кирова. – Алма-Ата, 1964.
8. Başlangıcından Günümüze Kadar Türkiye Dışındaki Türk edebiyatları antolojisi (Nesir-Nazım). Kırım Türk-Tatar Edebiyatı. С. 13. / Genel Redaktor Nevzat Kösoğlu. – Ankara : Kültür Bakanlığı, 1999.
9. Elçin Ş. Gevheri / Ş. Elçin. – Ankara : Aslımlar Matbaası, 1987.